

Четыре человека ног его
Шестнадцать штук копыт - державный обод
Шестнадцать раковин - а держат одного
Четыре истукана у него
Два идола подьемлют главный хобот
Из лба из-подо лба растущих рук
С дыркой длинной вдоль до переносья
Где локоть сломленный как сук как будто сук
Жрет жрет и жрет колосья и колосья.

Там шкуры бездыханные мехи
Смыкают веко над отдельным глазом
И колыхают хмурый балдахин
И труп нутра объемлют влажным мясом -

Порода брeнная, от ветхих чудищ вервь
Неимоверный вывернутый червь
Червь внутренний огромный непомерный
Стоит среди холмов покрытый скверной.

СВЕТЛАНА ВОСТОКОВА

(р. 1937)

х х х →

С веточкой зеленой, босиком,
задыхаясь, улыбаясь, плача,
пробегаешь по песку горячему,
замедляя шаг, стыдясь, тайком,
мимо той, у опустевшей дачи,
что стоит с неузнанным лицом,
в мрамор платья мрамор тела пряча,
к солнцу обратив глаза незрячие.

Так давно перешагнувшей грань,
что ей стыд твой, радостный и жаркий,
что живых одежд твоих игра -
словно дым прозрачного костра
через кружевные тени парка.

1974 #

х х х

↓ →

Ночные прогулки -
с безлюдных окраин гудки,
сквозняк подворотен гулких,
пустыри, тупики.
Дребезжанье и скрип трамвая,
невидимого за углом,
скользящая мостовая,
свет чужого жилья за стеклом.
Каменные изваянья
прорастают сквозь дом.
С гримасой страданья
голова над каждым окном.
Над забитой дверью с навесом
с именами бывших жильцов
два ангела неуместных
держат гирлянду цветов.
Венки из парадных лилий,
в кудрях фабричная гарь,
опустили слабые крылья,
сонно шурятся на фонарь.
Моста скрипучая арка,
мокрый чугун перил,
львиные морды, тиары,
взмах золотых крыл.
Колонны, прожектор, порталы,
чугунной ограды витки,
над черной водой канала
снега косые штрихи.
Как в пронасть, в черную воду
снег из померкших небес.
Кольца, чугунные своды,
цепи из ржавых желез.
Скользкие ступени,
причал, обвисший канат,
как мухи, снежные тени
в черную воду летят.

2 →

Шаг на шаткую лодку - и город
затянула желтая муть.
Переезд сквозь промозглую тьму
непостижимо долог.
Обморочная дремота.
Жесткий клеенчатый плащ
кем-то на плечи намотан
для сохраненья тепла.
В лодке дырявой
в редеющей тьме одна,
жестянкой черпаю ржавой
ледяную воду со дна.
За бортом мазутные пятна,
словно перьев павлиньих узор.
На берегу, вероятно,
зажгли в тумане костер.
Не страх, а ландшафта странность,
свечение тусклых вод,
реки пустой безымянность,
белесый, сумрачный свод,
ветхой лодки качанье, -
как воспоминанье о сне.
Ужель никогда не причалю
к блаженной стране?

← 1974 /

→ БАР К К О

И не были пустыни небеса:
Тамплыли, падали, летели,
Махали крыльями, на облаках сидели,
Горе подьемля томные глаза.

В негнущихся одеждах, босиком,
В коронах и венках, с торжественностью пышной,
В стремлении туда, где восседал Всевышний
С условным, но значительным лицом,
Откуда света устремлялся ток,

Отбрасывая тень в парчовых складках,
Пронзая облака у мощных ног,
И голубь, словно сорванный листок,
Раскинув крылья, падал без оглядки.

Святые, ангелы, апостолы и дети
Сливали голоса, глотая ветер,
Который рвал слова, одежды, облака
И радостные слезы высекал.

~~1974~~ IX

х х х →

Дырявый плащ и вдохновенный взор,
Весь театральный этот хлам и сор,
Увядавший лавр, поломанный венок,
Седые пряди вдоль горящих щек...
О Муза! стыд какой, какой урок!
Весь реквизит так жалко невесом.
Пройдись теперь без грима колесом!

~~1977~~ L

ПЕНЕЛОПА

1 →

Что днем связала - ночью распушу,
И пряжа по углам пылится.
А жизни прилестивенный не смолкает шум,
Но странник в дом ко мне не возвратится,

Затем, что он отплыл в неведомую страну,
Пространству чуждую и датам,
Один, без спутников, в последнюю весну,
Минуя родину на корабле крылатом.

Мне остается тайною вдовою
Забить навеки дверь и затворить окно
И, слыша грубое веселье за стеною,
Старая, вечное работать полотно.

2

Все лгу и лгу. Нисколько не верна.
 Я память предаю твою всечасно.
 Изменница, не верная жена,
 Потатчица своих недугов страстных.

Пока разматывается клубок,
 И нить меж пальцев тянется и вьется,
 Подсчитываю долгий вдовый срок,
 Гадаю: не сегодня ль он прервется.

Прислушиваюсь: что там женихи?
 Их голоса и хрипы, и нетрезвы,
 И чувствую, как кровь стучит в виски
 И пахнет кожей, потом и железом.

Порвалась нить. Светильник мой потух.
 Шаги все ближе. Осторожный шорох.
 Качнулся полог. Жадный ловит слух
 Дыхание и шум ночного моря.

← 1979 1

Владимир

ГАВРИЛЬЧИК

(р. 1929)

① → х х х

Вдоль по улицам гуляют
 Нашей родины сыны,
 А в небе звезды заседают
 Председательством Луны.

В темном космосе летают
 Лишь комиссии планет.
 В небо я смотрю и знаю,
 Что в пространстве бога нет.
 Все в душе моей ферштейн:
 Бога нету - есть Эйнштейн!..

↓

Я на этой точке зренья
И в душе моей вполне
Назревает вдохновенье,
Зреет тезис о Луне.

←(1973)→

3 → x x x

Молодые организмы
Залезают в механизмы
Залезают рапортуют
И немедленно стартуют
И растаивают в дали
Нажимая на педали

←(1973)→

4 → x x x

Шкандыбаю мимо окон
На свиданье у Невы.
Над макушкой вьется локон
Представитель головы.

В ожидании свиденья
Сердце радостно трясется
С приближением Невы.
Над макушкой локон вьется
Представитель головы.

Здрасьте нежное скажу
Колоссально погляжу
И с любовью я и вы
Погуляем вдоль Невы.

←(1973)→

х х х

5 Я прибыл к тебе на предмет поцелуя
В хорошем костюме с цветами в кульке,
Тебя я нашел исключительно злую
С какой-то бумажкой зажатой в руке.

Ты грозно вращала большими глазами,
Была ты вся бледная, словно яйцо
И бист орошая свой пыльный слезами
Бумажку пихала мне прямо в лица.

«1973»

х х х

6 Период захсолнца. Пора лиригнований.
Законные чувства вторгаются в грудь.
С лоблевой стою в коллективе растений,
Волнуюсь за родину, гордый чуть-чуть.

Какова высокого качества небо!
Я нежно взволнован, я искренне за.
(При этом отмечу, что где бы я не был,
Всегда вспоминаю любимой глаза.)

Теперь захсолнца, но верю, что скоро
И всенепременнейше кончится ночь,
И залпом лучей молодая Аврора
Всю прошлую тьму ликвидирует прочь!..

«1973»

х х х

7 Колбасники, едритвою,
Соплись на карнавал.
Колбасник там колбасницу
Едритвою, едритвою,
На танец приглашал.

Колбасник и колбасница,
 Едритвою, едритвою,
 Танцуют краковяк.
 Колбасник вдоль колбасницы,
 Едритвою, едритвою,
 Виется как червяк.
 Колбасник-то колбаснице
 Едритвою, едритвою,
 Пардон, прошу в буфет
 И пара на колбаснике,
 Едритвою, едритвою,
 Сверкающих ~~шриблет~~.
 Колбасник и колбасница
 Едритвою, едритвою,
 Сидят в руке рука,
 И девушки премилые:
 Едритвою, - колбасницы
 Их ~~линики~~ румяные
 Ну прям - окорока.

←(1973)→

8 х х х

Мальчик рылом роет книжку,
 Поразительно прозрачен.
 Он, собой являя мышку,
 Прозябанью предназначен.

Бедный мальчик с рожей потной,
 Ты какашка! Ты несносный.
 Видишь, солнышко сияет.
 Все ликует, все смеется,
 Быстро девочки шныряют,
 Улыбаясь и шая,
 Телесами шевеля.
 Все прелестно! Все прекрасно!
 Там мужчины дуют пиво,
 Там народ спешит в кино.

Там транзистор, там гитара,
Всюду радости вино.
Где ни плонь - повсюду пара.
Вот без всяких дураков
Мой совет тебе таков:

→ Нежный,
Тонкий,
Умный,
Кроткий,

Выпей, мальчик, рюмку водки
И на улицу скорей:
Ты ж мужчина - царь зверей!

<1973>

АНДРЕЙ ГАЙВОРОНСКИЙ
(р. 1947)

ДВА СОНЕТА ИЗ ЦИКЛА "ЛЕТНИЕ СТИХИ"

х — ж — ж 1

ежегодный ежедневный
опять сентябрь.

Вл. Эрль

) начало смутного конца
сентябрь первый лист уронит
когда-нибудь судьба догонит
как догоняют беглеца

природа осенью тиха
ее душа дудит удодом
шатаюсь маленьким уродом
меж строчек пыльного стиха

как пики половцев деревья
подслеповатые деревни
сентябрь прошедший мимо нас

Вы снова Чехова читали
о чем-то о своем мечтали
кося немного левый глаз

~~1966~~ 7

х х х 2

как будто крылья стрекозы
шурша над месяцами лета
меж строчек мертвого поэта
качались осени весны

к полудню пение шмелей
одолевало понемногу
и пыль висела над дорогой
и путник брел качаясь в ней

шмели с тоской гудели где-то
цвели изящно пустоцветы
своих сородичей губя

так лето сгнуло вначале
чего там черти накачали
нам в трубы осени трубя

1966 /

х х х

Ужели осень к нам не возвратится
со всей незавершенностью своей?
Спешат, зимой напуганные, птицы
оставить одиночество полей...
И каждый день помечен умираньем,
в безделии недолго до греха,
едва ль тебя морозно-сизой ранью
разбудят романсеро петуха.
Уж не пылит проезжая дорога,
во всей природе чувствуется лень.
Я только понял, что всего дороже
печальные пейзажи деревень...

Мы убегаем. Осень - по пятам.
Незавершенность остается нам.

1967 /